

УДК 911.3:292.471

А.Б. Швец

**Полиэтничность Крыма как фактор
выстраивания регионом баланса
«внутристрановых» и трансграничных
связей в системе «Большой Евразии»**

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь, Российская Федерация
e-mail: fusion10@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности трансформации полиэтничности Крыма как составной части процесса его реинтеграции в социально-экономическое пространство Юга России. Выявлены векторы развития современных взаимоотношений доминирующих этнических групп в Крыму. Определены базовые ограничения для осуществления крымским социумом «внутристрановых» и трансграничных взаимодействий в пределах «Большой Евразии» и её «микромоделей» — Юга России.

Ключевые слова: общественная география, полиэтничность, доминирующий этнос, Крым.

Введение

Актуальность работы заключается в том, чтобы на фоне многочисленных политологических исследований «мегапроцесса «Большая Евразия» (определение А.Г. Дружинина — авт.) сохранить общественно-географический подход в его изучении. «Мегапроцесс «Большая Евразия» — многокомпонентен и сущностно, и пространственно. «Играя масштабами», можно выяснить территориальное содержание тех составных компонентов, которые этот процесс формируют. Полиэтничность территории — один из сущностных компонентов, создающих общественно-географический конструкт Большой Евразии.

Полиэтничность Крыма в современных границах Республики Крым и города федерального значения Севастополя составляет неотъемлемую часть ресурсной базы его территориального своеобразия. Она формировалась в значительной степени под влиянием географической рубежности Крымского полуострова, расположенного между легко преодолеваемыми для передвижения народов степными ландшафтами на севере, барьерным ареалом Крымских гор и контактными территориями Черноморско-Азовского побережий. В процессе современной интеграции Крыма в социально-экономическое пространство Юга России, включающем Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, полиэтничность полуострова как системная совокупность взаимоотношений этносов, проживающих в регионе, находится в состоянии сложной трансформации.

Сложность преобразования полиэтничности определяется присутствием в этом процессе геополитического компонента (наличие особого крымского направления в политике западных санкций против Российской Федерации) в новейшей истории Крыма, влияющего на особенности формирования и развития всех социокультурных процессов и явлений на полуострове.

Крымская полиэтничность — не уникальна как социокультурное явление в «мегапроцессе «Большая Евразия». Это объясняется тем, что интеграция Крыма пространственно совершается в «микромодель Евразии» как определяет

географическую сущность Юга России А.Г. Дружинин [1, с.52]. Архитектоника полиэтничности Юга России и Крыма имеет много общих черт.

Взаимоотношения этносов на Юге России складывались и продолжают осуществляться в пределах контактной зоны славяно-православной и мусульманской цивилизаций. Этническая история Крыма и отдельных территорий Юга России сохраняет память о периоде их геополитической общности, когда в 1783 году по указу Екатерины II Правобережная Кубань, Таманский и Крымский полуострова были присоединены к Российской империи, существенным образом изменив приоритеты развития её южных окраин. Этот исторический фрагмент пребывания Крыма в пределах территории с общероссийской государственностью позволяет исследователям воспринимать его современное воссоединение с Россией как реинтеграцию, формирующую в пределах южно-российского порубежья новую «внутригосударственную общность — Черноморский историко-культурный регион» в составе Крыма, Краснодарского края и «в определённой мере Республики Адыгея» [2]. Основным маркером существования этого региона выступает устойчивое сочетание у его этносов общероссийской гражданской и региональной идентичностей.

Появление историко-культурных общностей, их территориальный состав в пределах южнороссийского пограничья можно оспаривать, но нельзя не заметить, что формирование подобных сообществ — яркое подтверждение динамичности географических рубежей «Большой Евразии», концептуальной и пространственной незавершённости этого общественно-географического концепта в его региональных проекциях.

Цель работы — выявить общественно-географические аспекты преобразования полиэтничности Крыма, реинтегрирующегося в пространство Юга России, для уточнения основных векторов дисбаланса в осуществлении внутрирегиональных и трансграничных связей крымским полиэтничным сообществом в условиях фактической закрытости региона от дальнего зарубежья западными экономическими и политическими санкциями.

Материалы и методы исследований

Современная геополитическая закрытость Крыма — фактор, создающий предпосылки для конкуренции этнических идентичностей. Этот аспект исследований трансформационных процессов в полиэтничной среде российского Крыма недостаточно проанализирован в работах по общественной географии. Наиболее полную картину преобразовательных процессов во взаимоотношениях крымских этносов периода реинтеграции Крыма в российско-евразийское пространство можно получить в стыковой работе географов и политологов «Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения» [3].

Крым как фрагмент постсоветского пограничья анализируется в работе московских географов, выполненной под руководством В.А. Колосова [4]. Влияние геополитических, конфессиональных, информационных факторов на развитие социокультурных трансформаций в современном Крыму представлено в работах крымских географов Д.А. Вольхина [5], С.Н. Киселёва [6], А.Б. Швец [7], А.Н. Яковлева [8]. Заслуживают внимания мониторинговые исследования по Крыму, проводимые российским экспертным сообществом в контексте раннего предупреждения межэтнических конфликтов [9; 10; 11].

Работа выполнена на основе системного анализа, что позволило рассмотреть полиэтничность крымского региона как неотъемлемую часть процесса

формирования общественно-географического концепта «Большая Евразия» в региональной проекции Юга России. Применён сравнительный метод, позволивший определить черты особенности процесса трансформации современной полиэтничности в Крыму и других частях южнороссийского порубежья. Эмпирическая база работы включает в себя профессиональные научные исследования географов и политологов, статистическую отчетность переписей населения, результаты мониторинга публикаций в средствах массовой информации. Основным географическим регионом исследования является Крым в составе Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Результаты и обсуждение

Определять полиэтничность Крыма в качестве фактора выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» следует в контексте понимания тех трансформаций, которые формируют равновесное или разбалансированное состояние взаимодействий между народами, населяющими полуостров.

Картину современных этносов Крыма формируют 175 народов [10]. Эта этническая пестрота сравнима с общероссийской картиной этничности. Федеральная перепись населения 2010 года выделила на территории Российской Федерации 193 народа [11]. Историческая ретроспектива полиэтничности Крыма демонстрирует устойчивое доминирование на территории полуострова двух этносов: славянского (в современной этнодемографической структуре полуострова он представлен русскими, украинцами и белорусами) и тюркского (в составе, прежде всего, крымских татар и татар). Доминирующими эти этносы можно считать по признаку их устойчивого численного преобладания на фоне иных этнических групп и стремлению к повсеместному расселению.

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации изменило славяно-тюркский баланс на Юге России. Славянская составляющая расширилась в этом регионе на 1,9 млн человек, причем, 1,5 млн человек составили русские [12]. На фоне существующего в южнороссийских территориях (Астраханская область, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Чечня) общеевразийского тренда «динамичного этнокультурного замещения» русского населения (сокращения доли русских в населении перечисленных субъектов региона) [1, с. 53] крымское приращение русского компонента в этнодемографической структуре Юга России следует считать положительным фактором укрепления её устойчивости.

Крым стал регионом России, где сохраняется постсоветское доминирование не только русского, но и в целом славянского компонента в совокупной численности населения. Обе переписи — Всеукраинская 2001 года и крымская 2014 года — зафиксировали суммарно доминантное положение трёх славянских этносов в совокупной численности населения Крыма (с городом Севастополем) соответственно на уровне 85,9 и 84,5% [12; 13]. Незначительное сокращение удельного веса славян в населении Крыма в 2014 году связано с их естественной убылью, начавшейся ещё в 1992 году. Более подробный анализ демографических пропорций славянского населения Крыма в сравнительном анализе переписей 2001 г. и 2014 г. обнаруживает рост численности русского населения Крыма и г. Севастополя и резкое снижение доли украинцев (Табл. 1., рис. 1.). Такое сокращение может объясняться сменой этнической идентичности того населения Крыма, которое считало себя украинцами в 2001 году. Эта смена, по мнению А.В. Баранова подтверждается отсутствием крупных миграционных перемещений

между Крымом и Украиной в период проведения на полуострове переписи населения в 2014 году [23].

Обогащение этнодемографической структуры Юга России крымским компонентом произошло не только в его славянском, но и в тюркском сегменте. Общая численность тюркоязычных народов, проживающих в Крыму и вошедших в сферу влияния российской государственности в 2014 году, составила 292 тыс. человек (2,3% суммарной численности тюркоязычных народов Российской Федерации по результатам Всероссийской переписи 2010 года). Среди современных тюркоязычных народов Крыма перепись населения 2014 года обнаружила представителей всех 24 тюркских этносов, упоминаемых А.Г. Дружининым как проживающих в современной России [14]. Дифференциация численности тюркоязычных народов Крыма весьма масштабна: от единичных представителей долган или тувинцев до группы крымских татар превышающей по численности 200 тысячный рубеж. Воссоединившись с Крымом, Россия впервые с середины XVI столетия прирастила пространственные пределы тюркоязычного мира не на востоке, а на западном фланге своей государственной территории.

Таблица 1.

**Динамика удельного веса основных славянских этносов Крыма
по материалам переписей населения 2001 г. и 2014 г.
(в % от всей численности населения)**

Административные единицы (сельские р-ны, городские территории)	Русские 2001 г.	Русские 2014 г.	Украинцы 2001 г.	Украинцы 2014 г.	Белорусы 2001 г.	Белорусы 2014 г.
Бахчисарайский	54,3	56,5	19,6	12,9	1,25	0,83
Белогорский	49,2	52,6	16,2	10,1	0,94	0,54
Джанкойский	38,9	46,1	33,8	23,5	1,72	1,09
Кировский	50,5	51,9	17,6	10,7	1,65	1,03
Красногвардейский	48,7	54,3	27,3	19,0	2,20	1,43
Красноперекопский	33,2	41,3	43,4	32,5	1,25	0,98
Ленинский	54,8	64,1	15,5	15,2	1,28	0,91
Нижнегорский	50,4	56,6	16,0	19,5	1,77	1,33
Первомайский	35,1	45,7	37,9	28,6	1,72	1,22
Раздольненский	41,1	49,8	40,1	30,3	1,41	1,04
Сакский	45,2	52,2	31,5	21,5	2,18	1,46
Симферопольский	49,4	56,1	23,5	15,0	1,37	0,88
Советский	48,5	53,6	22,1	13,5	1,33	0,82
Черноморский	52,8	63,1	29,3	18,9	1,50	1,04
Алуштинский гс/го	67,1	78,9	23,0	16,5	1,42	1,03
Армянский гс/го	55,7	61,3	36,2	29,5	1,11	0,73
Джанкойский гс/го	59,8	68,0	25,9	16,9	1,54	1,09
Евпаторийский гс/го	64,9	73,8	23,3	14,9	1,46	1,08
Керченский гс/го	78,7	87,3	15,4	8,5	1,13	0,70
Красноперекопский гс/го	51,0	60,5	40,9	30,5	1,18	0,95
Сакский гс/го	65,1	72,2	24,3	16,6	1,85	1,49
Симферопольский гс/го	66,7	72,4	21,3	13,1	1,15	0,83
Судакский гс/го	59,2	59,9	17,6	12,4	1,31	0,78
Феодосийский гс/го	72,2	79,7	18,8	12,2	1,79	1,18
Ялтинский гс/го	65,6	74,0	27,6	19,3	1,58	1,06
Республика Крым	58,2	65,3	24,3	16,0	1,45	0,95
г. Севастополь	71,6	81,1	22,4	14,2	1,56	0,96
Крым в целом	60,4	67,9	24,1	15,7	1,46	0,95

гс/го – городской совет/городской округ

Составлено по: [12; 13]

Взаимодействие славянских и тюркских этносов в Крыму в разные исторические периоды носило сочетанный характер. Это проявлялось в том, что рост численности славянских этносов сопровождался на полуострове увеличением миграционной подвижности, а также изменением границ расселения тюрков.

Впервые отмеченная зависимость статистически достоверно проявилась в Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. В 1795 г. по результатам пятой имперской ревизии населения на Крымском полуострове была зафиксирована новая народность — русские. Эта народность составила, по мнению Я. Е. Водарского и др., 4,3% общей численности жителей полуострова [15, с. 59]. Уже к моменту проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 года русское население Крыма, в котором не вычленялся украинский и белорусский компоненты, составило 33,1% жителей полуострова против 35,6% татар.

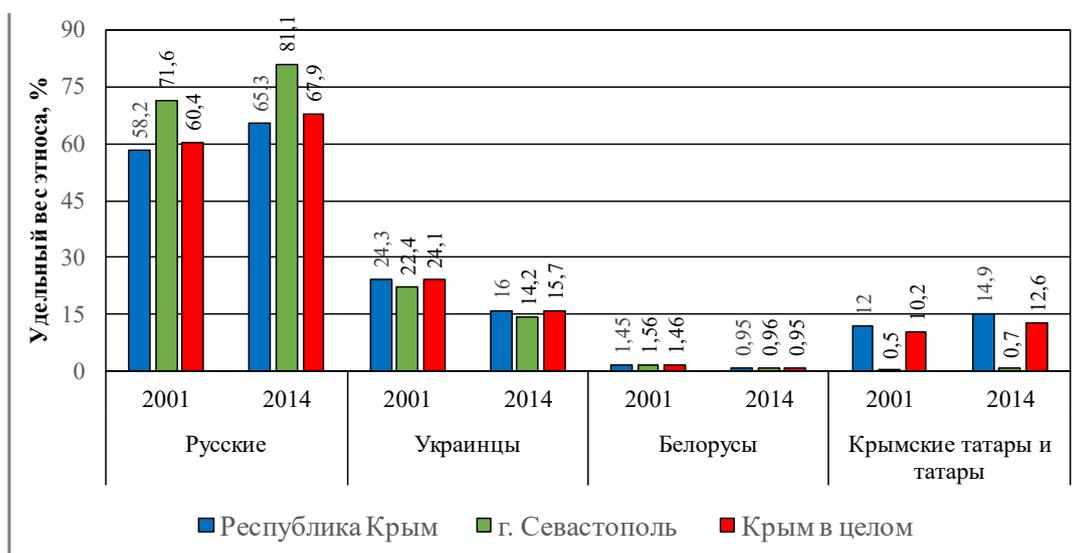

Рис. 1. Динамика удельного веса доминирующих этносов Крыма (рассчитано А.Б. Швец по материалам переписей населения 2001 г., 2014 г.)

Различными исследователями этнической истории Крыма отмечались как минимум четыре миграционных волны жителей полуострова: 1778–1784 гг., 1854–1860 гг., 1862–1872 гг., 1874–1875 гг. Все они носили этнический характер и были связаны в основном с перемещениями тюркских народов Крыма и отдельных групп христианского населения (армян, болгар, греков, немцев). Исключение составляла лишь первая миграционная волна 1778–1784 гг., которую можно назвать смешанной, поскольку её начало в августе — сентябре 1778 г. связывают с вынужденным переселением царской администрацией практически всех христиан Крыма (более 30 тыс. человек), представленных греками, армянами, грузинами и валахами, в Приазовье [16].

Этнические миграции XVIII–XIX вв. и более поздние, трагические волны депортации XX века, заложили территориальную основу современной архитектоники полиэтничности Крыма. Её смысл раскрывается в процессе изучения степени концентрации различных этносов в пределах административных единиц современного Крыма. Этническая «плотность» населения Крымского полуострова была рассчитана нами при помощи индекса этнической мозаичности (Pj) Б.М. Эккеля [17] по материалам Всеукраинской переписи населения 2001 года [12] и Переписи населения в Крымском

федеральном округе 2014 года [13]. Индекс этнической мозаичности территории тем выше, чем «пестрее» её национальный состав.

Расчёт индекса этнической идентичности показал, что в период между указанными переписями полиэтничность Крыма стабилизировалась с практически повсеместным трендом уменьшения индекса мозаичности к 2014 году (Табл. 2.). Впервые эта стабилизация не была связана с усилением миграционной подвижности тюркской или славянской части населения, а была, вероятно, обусловлена сокращением потока репатриантов из-за пределов Крыма и затуханием внутрирегиональной миграции крымских татар, которая к 2001 году приняла для этого народа характер трансформации ландшафтной среды его расселения.

Таблица 2.

**Изменение индекса
этнической мозаичности населения Крыма
(2001-2014 гг.)**

№	Административные единицы (сельские р-ны, городские территории)	Индекс мозаичности 2001 г.	Индекс мозаичности 2014 г.	Динамика индекса мозаичности 2001-2014 гг.
1	Бахчисарайский	0,620	0,606	- 0,014
2	Белогорский	0,645	0,613	-0,032
3	Джанкойский	0,687	0,686	-0,001
4	Кировский	0,647	0,633	-0,014
5	Красногвардейский	0,659	0,625	-0,034
6	Краснопереконский	0,670	0,693	+0,023
7	Ленинский	0,620	0,546	-0,074
8	Нижнегорский	0,636	0,609	-0,027
9	Первомайский	0,685	0,673	-0,012
10	Раздольненский	0,652	0,645	-0,007
11	Сакский	0,664	0,646	-0,018
12	Симферопольский	0,650	0,609	-0,041
13	Советский	0,665	0,627	-0,038
14	Черноморский	0,618	0,553	-0,066
15	Алуштинский гс/го	0,493	0,438	-0,055
16	Армянский гс/го	0,556	0,534	-0,022
17	Джанкойский гс/го	0,568	0,519	-0,049
18	Евпаторийский гс/го	0,518	0,430	-0,088
19	Керченский гс/го	0,356	0,230	-0,126
20	Краснопереконский гс/го	0,571	0,539	-0,032
21	Сакский гс/го	0,512	0,447	-0,065
22	Симферопольский гс/го	0,504	0,457	-0,047
23	Судакский гс/го	0,586	0,582	-0,004
24	Феодосийский гс/го	0,440	0,348	-0,092
25	Ялтинский гс/го	0,493	0,414	-0,079
26	г. Севастополь	0,436	0,388	-0,048
27	В среднем по РК	0,589	0,508	-0,042
28	В среднем по Крыму	0,583	0,542	-0,043

гс/го — городской совет/городской округ

Рассчитано Швец А.Б. по: [12; 13]

Исторически сложилось так, что различные народы Крымского полуострова культурно доминировали в пределах определенных ландшафтных зон. Крымские татары к началу XX века территориально укоренились в наиболее комфортных в климатическом и гидрографическом отношении участках Крымского полуострова — предгорье и горном южном побережье. Лишившись этих территорий в результате депортации 1944 г. и последующего искусственного сдерживания крымской властью процесса расселения репатриированных народов в начале 1990-х годов, крымские татары, проявив высокую степень этнической мобилизации, сумели в течение 1989–2014 гг. осуществить передислокацию из степных регионов Крыма, куда их направляли в начале 1990-х годов, в предгорные и горно-приморские территории. К 2014 году в пределах предгорных муниципальных территорий Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского, Кировского районов и городских округов Симферополя и Судака сформировался *ареал устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента*, представленный крымскими татарами и теми, кто во время проведения переписи 2014 года назвал себя «татарами» (Табл. 3., рис. 2.). В упомянутом ареале отмечалось стабильное (с начала активной репатриации в 1989 г.) увеличение удельного веса крымских татар в общей численности населения, перешагнувшее в 2014 году 25% рубеж. Для этой территории также отмечается сохранение высоких значений индекса полиэтничности, превышающих среднекрымский уровень. После 2014 года в состав горно-приморской части ареала устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента нами отнесён городской округ Ялты, где по результатам российской переписи произошло удвоение численности крымских тюрков.

Кроме предгорного и горно-приморского ареала устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента, в Крыму выделяются две *территории ускоренного роста доли тюрков*: Северо-Центральный степной ареал (в составе Джанкойского и Красногвардейского муниципальных районов) и Западный степной (в границах Сакского муниципального района и Евпаторийского городского округа). Это территории, в которых отмечены самые высокие для степных регионов Крыма темпы прироста крымско-татарского и татарского населения (5% в 2014 году, по сравнению с 2001 годом).

Районы северо-западного Крыма (Красноперекопский, Раздольненский, Первомайский, Черноморский) составляют ареал с переходным характером этнической мозаичности. Для этих территорий характерен умеренный рост тюркского компонента и сохранение, по сравнению с иными муниципальными районами полуострова, повышенной доли (свыше 30% в общей численности населения) украинского компонента в славянском сегменте полиэтничности.

Ареалами все перечисленные выше территории мы называем по причине диффузности административных границ муниципальных образований в отношении расселения этносов.

Увеличение доли крымских татар в предгорных, горно-приморских и отдельных степных территориях Крыма проходило в 1989–2001 гг. параллельно с процессом сокращения русского населения [12; 18]. Однако перепись 2014 года зонах и административно-территориальных образованиях Крыма, подтвердив полиландшафтный образ жизни этого этноса. Более всего концентрация русского населения проходила в пределах Керченского (87,3% в общей численности населения), Феодосийского (79,7%) городских округов и города Севастополя

(81,1%). Эти три городские территории сохраняют в Крыму, по сути, моноэтничность как социокультурное явление, формируя *ареалы с преобладанием в населении славянского (русского) компонента*. Моноэтничность Керчи, Севастополя и Феодосии подтверждается самыми низкими в Крыму значениями индекса этнической мозаичности (Табл. 2). Показатель этнической мозаичности Керчи, Севастополя и Феодосии более чем в полтора раза меньше среднекрымского уровня.

Таблица 3.

**Динамика удельного веса крымских татар в
Крыму по материалам переписей 2001 г. и 2014 г.
(в % от всего населения)**

№	Административные единицы (сельские р-ны, городские территории)	2001 г.	2014 г. *	Изменение удельного веса крымских татар %
1	Бахчисарайский район	21,3	27,6	+6,3
2	Белогорский район	29,2	34,3	+5,1
3	Джанкойский район	21,6	26,1	+4,5
4	Кировский район	25,5	33,2	+7,7
5	Красногвардейский район	16,7	21,7	+5,0
6	Краснопереконский район	17,2	21,5	+4,3
7	Ленинский район	29,2	17,2	-12,0
8	Нижнегорский район	28,8	20,2	-8,6
9	Первомайский район	21,5	22,2	+0,7
10	Раздольненский район	13,3	15,9	+2,6
11	Сакский район	17,5	21,8	+4,3
12	Симферопольский район	22,2	25,3	+3,1
13	Советский район	22,2	28,6	+6,4
14	Черноморский район	12,7	14,8	+2,1
15	Алуштинский гс/го	5,9	7,0	+1,1
16	Армянский гс/го	3,5	4,5	+1,0
17	Джанкойский гс/го	8,1	9,6	+1,5
18	Евпаторийский гс/го	6,9	7,4	+0,5
19	Керченский гс/го	1,9	1,8	-1,9
20	Краснопереконский гс/го	3,0	4,5	+1,5
21	Сакский гс/го	5,8	7,4	+1,6
22	Симферопольский гс/го	7,0	9,9	+2,9
23	Судакский гс/го	17,4	24,7	+7,3
24	Феодосийский гс/го	4,6	4,3	-0,3
25	Ялтинский гс/го	1,3	2,6	+1,3
26	г. Севастополь	0,5	0,7	+0,2
27	Республика Крым	12,0	14,9	+2,9
28	Крым (с г.Севастополь)	10,2	12,6	+2,4

*Крымские татары и татары учтены суммарно.

гс/го — городской совет/городской округ

Составлено по: [12; 13]

Таким образом, территориальный рисунок полиэтничности в Крыму неоднороден и характеризуется различиями в степени насыщенности территории полуострова межэтническими рубежами. Большая часть Крыма — полиэтнична с доминированием славянского и увеличивающегося количественно тюркского компонента, меньшая — моноэтнична с преобладанием славянского (русского) компонента. Можно ли считать такую структуру полиэтничности сбалансированной?

Результаты авторского мониторинга межэтнических отношений в Крыму, проводимого по материалам печатных и электронных средств массовой информации (СМИ) 1990–2015 гг. совместно с А.Н. Яковлевым и Д.А. Вольхиным, показали, что полиэтничность Крыма в украинский период его административно-территориального подчинения имела две отличительные черты: политизированность и латентную конфликтность [19; 20; 21]. Обе характеристики были исследованы как пространственные явления. Итогом этого изучения стала серия картосхем, позволившая определить наличие в Крыму пространственного совпадения предгорных и горно-приморских ареалов устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента (своеобразного исламского территориального полумесяца) с местами, где по сообщениям СМИ до 2014 года включительно чаще всего фиксировались инциденты этнополитического характера, происходившие с участием крымских татар.

Содержание упомянутых инцидентов включало: случаи незаконного занятия крымскими татарами административных зданий, земельных участков, принадлежавших различным субъектам собственности, снос православных поклонных крестов на въездах в населённые пункты, организацию «полян протеста», манифестацию присутствия в Крыму международной панисламистской политической партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Исламская партия освобождения»), признанной в Российской Федерации террористической организацией и запрещённой, а также иных форм протестного поведения. Наличие территориальных проявлений политизированной этничности не позволяет автору делать вывод о сбалансированном характере полиэтничности Крыма до его вхождения в состав Российской Федерации.

После воссоединения Крыма с Российской Федерацией характер полиэтничности полуострова изменился. В движение пришли защитные механизмы государственного управления в отношении факторов возможного разбалансирования полиэтничности крымского социума. Российское государство проводит в Крыму политику поддержки многонациональности, повышения лояльности национальных общин Крыма к федеральной российской власти и создания новых коммуникационных каналов с «соотечественниками» за пределами России. В этом отношении особое значение приобрёл Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [22]. На реализацию Указа российским государством выделяется до 2020 года порядка 10 млрд рублей. Эти средства направляются, прежде всего, на обустройство мест компактного проживания репатриированных народов, слабая инфраструктурная оснащённость которых была одним из конфликтогенных факторов межэтнических отношений в Крыму.

Важным аспектом реализации политики сохранения сбалансированности межнациональных отношений в Крыму следует считать усилия федеральной власти по формированию новой системности в организационных формах общественной активности крымских татар. Крымские татары после запрета в 2016 году деятельности главного центра организации их национального движения — меджлиса, — руководство которого продемонстрировало откровенно антироссийскую позицию во время референдума 2014 года, возглавило противозаконную деятельность по организации энергетической блокады Крымского полуострова, остались без радикально настроенных лидеров. Это существенно снизило их публичную активность, разъединив народ на тех, кто принял воссоединение Крыма с Россией, и тех, кто, по мнению экспертов, перешёл к тактике выжидания и латентного протеста [9; 24].

В крымско-татарской среде происходит формирование новых групп влияния, которые ставят перед собой неконфликтные по отношению к другим национальностям цели и задачи. Вместо запрещённого меджлиса в Крыму начало действовать движение «Къырым» («Крым»), «Къырым бирлиги» («Единство Крыма»), «Крымские татары — опора Крыма». Созданы ячейки регулирования мониторинга состояния межнациональных отношений, а также специальные органы исполнительной власти, реализующие цели национальной политики России (Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым и отдел по делам национальностей, связям с общественностью и религиозными организациями департамента внутренней политики правительства г. Севастополя). Появились этнокультурные организации, объединяющие не только крымских татар, но и другие народы Крыма: «Дом дружбы народов», государственное автономное учреждение «Медиа-центр имени Исмаила Гаспринского», «Центр информационных и социальных технологий развития межнациональных коммуникаций в Республике Крым» и «Севастопольский городской национальный культурный центр».

Считать эти организации серьёзным фактором влияния на общественное мнение этнических групп Крыма пока преждевременно, но они формируют новые коммуникации в отношениях власти и народов Крыма, создают официальные каналы общения с соотечественниками, живущими за пределами полуострова, позволяют контролировать социально-политическую ситуацию в этнической среде. Это своеобразная инфраструктура трансляции состояния полиэтничности Крыма во «внутристрановых» и трансграничных связях.

Один из аспектов этой трансляции, влияющий на выстраивание баланса «внутристрановых» и трансграничных связей Крыма в Российской Федерации, можно обозначить как преобразование конкурентной, «многосоставной» [23; 24] структуры идентичности народов полуострова. Многосоставной характер идентичности в славяно-тюркском взаимодействии может быть фактором, приводящим к появлению политизированной этничности. У крымских доминирующих этносов исторически и географически (полуостровное положение) сформирована сильная региональная («мы — крымчане») идентичность, существующая параллельно с этнической и конфессиональной. На существование региональной идентичности и, в частности, идентичности «крымских русских», указывали в своих работах С.Н. Киселёв [25] и А.В. Мальгин [26].

Опрос Независимого содружества социологов «Открытое мнение», проведённый в Крыму в апреле–июне 2016 г., установил, что только 43,1% респондентов считают себя «гражданами России», а 35,3% — «жителями Крыма»; [23; 27]. В сравнении этнических групп лидерами в осознании себя гражданами России являются русские — 52% опрошенных, далее следуют 28% украинцев и 8% крымских татар. Ранее в 2015 году анкетный опрос крымских татар, проведенный ВЦИОМ и Институтом социологии РАН уточнил, что эта этническая группа идентифицирует себя, прежде всего, как народ (81% ответов), жители Крыма (58%), мусульмане (51%) и только 16% опрошенных назвали себя россиянами [23, с. 355].

Таким образом, трансформация идентичности в среде доминирующих этносов Крыма в направлении общероссийской как объединяющей, но не упраздняющей, этническую и региональную, менее всего характерна для крымских татар. С учётом того, что на протяжении длительного времени этому народу меджлисом внушалась идея об уникальности крымских татар среди тюрков и всех татар, прежде всего, волжских (казанских), выстраивание баланса «внутристрановых» отношений крымских и российских тюрков не обещает быть лёгким. В среде крымских татар надолго сформирована региональная доминанта идентичности, которая выполняет охранительную роль в процессе её возможной трансформации в общероссийскую.

Изменить опасения крымских татар в процессе формирования в их среде общегосударственной, общероссийской идентичности возможно удастся через демонстрационный эффект успешной реализации «объединительных» экономических и культурных проектов с российскими регионами проживания тюрков, к примеру, с Татарстаном — этой успешной «витриной» российского тюркского мира. В настоящее время реализуется межрегиональный научный проект Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан по созданию пятитомной фундаментальной истории крымских татар, выполняемой в контексте истории Российского государства. Кроме того, изданы три тома многотомной серии «Свод памятников истории и культуры крымско-татарского народа», посвящённые городам Бахчисараю, Симферополю и Старому Крыму.

Совместные проекты выполняют для крымских татар роль интеграторов в пространство объективных воспоминаний о тюркском прошлом и не позволяют крымским татарам замкнуться в агрессивную этническую группу, не сумевшую интегрироваться ни в крымский, ни в российский социум. Главная сложность в осуществлении проектов «внутристранового» взаимодействия крымских тюрков — инерция стереотипов, навязанных им в период активной политизации межэтнических отношений в Крыму под эгидой запрещённой террористической организации меджлис.

Славяно-тюркское доминирование в современной полиэтнической структуре населения Крыма имеет ограничители не только в осуществлении «внутристрановых», но и трансграничных взаимодействий. Актуальными для Крыма могут быть контакты с таким крупным компонентом «Большой Евразии» и тюркского мира, как Турция.

Турецкий вектор трансграничных связей Крыма в настоящее время осложнён сдержанной позицией Турции в отношении реинтеграции региона с Российской Федерацией. На протяжении всего постсоветского периода Турция не

просто активно взаимодействовала с междлисом крымско-татарского народа, она фактически была серьёзной группой влияния и давления на него, определяя внешнеполитический вектор крымского национального движения.

В настоящее время Турция, позиционирует себя страной, где по разным оценкам проживает около 5 млн человек крымских татар, а вернее, крымских турок. Диаспоральный патронаж турецкого государства, естественно, не обойдёт вниманием их судьбы. Но Турция, в настоящее время активно создающая союз с Россией против Запада, вряд ли отважится на осложнение отношений с этим крупнейшим тюркским государством Евразии, вооружившим её современной системой противоракетной обороны и готовым предоставить Турции возможность стать крупнейшим распределителем потока энергетических ресурсов в Причерноморье и Южной Европе. Крым плотно включён Турцией в зону её геополитических интересов как фрагмент формируемого турецким руководством «исламского коридора» — от Кавказа, через Крым, до Сербии. Передовым отрядом турецкого влияния в Крыму и в настоящее время рассматриваются крымские татары, что формирует возможность осложнения процесса трансформации конкурентной структуры их идентичности в процессе славяно-тюркского взаимодействия.

Выводы

Полиэтничность Крыма сохраняется и одновременно преобразуется в процессе его реинтеграции в социально-экономическое пространство «микромодели Евразии», которой, по сути, является Юг России. Крым расширил пространственное присутствие славян и тюрков в этом регионе и в целом в Большой Евразии, став самым западным в Российской Федерации регионом, наиболее выдвинутым в сторону Причерноморских стран Европы и Турции — страны с существенной ролью тюркских народов в этнической структуре населения.

В пределах Крымского полуострова усложняется территориальная структура полиэтничности. В ней сложно выделить регионы, где бы отсутствовал процесс славяно-тюркского присутствия и взаимодействия. Это типично евразийская черта: наличие тесного взаимодействия славяно-тюркских культур в процессе их интеграционных или дезинтеграционных контактов.

Произошла пространственная передислокация тюркского компонента в пределах ландшафтных зон Крымского полуострова. Появились устойчивые ареалы стабильного роста численности и территориального присутствия тюркского компонента народов Крыма (в первую очередь крымских татар) в пределах предгорной и горно-прибрежной территорий, т. е. в тех ландшафтных зонах, где крымские тюрки традиционно доминировали до событий, связанных с их политической депортацией в 1944 году. Возвращение крымских татар — наиболее многочисленного народа в группе крымских тюрков — в пределы своего традиционного месторазвития — благоприятный фактор их современной политической истории. Вместе с тем, следует заметить, что в период украинской административно-территориальной принадлежности Крыма, в ареалах устойчивого роста численности тюрков нами отмечалось наиболее частое появление в СМИ инцидентов, происходившие с участием крымских татар, и носивших характер межэтнических конфликтов.

Территориальный рисунок крымской полиэтничности, проявленный в разной степени этнической мозаичности регионов полуострова, дополняется представлением о характере трансформации многосоставной идентичности народов доминирующих в Крыму этнических групп. Славянская группа народов Крыма демонстрирует устремлённость к общегражданской, общероссийской идентичности. В среде крымских татар доминирует региональная и религиозная идентичности, основанные на сохранении представлений об особой уникальности их этноса в общетюркском контексте.

Сохранение разной степени приоритетности общегражданской, региональной и этнической идентичностей у крымских славян и тюрков позволяет говорить о том, что в Крыму существует латентная разбалансированность устремлений доминирующих этносов в выстраивании Крымом «внутристрановых» и трансграничных контактов на пространстве Большой Евразии и её микромоделей — Юга России. Сущность этого дисбаланса может проявиться в выборе стратегических партнёров внутристранового и трансграничного сотрудничества. Преодоление указанного дисбаланса имеет разные варианты, суть которых в преодолении стереотипов исторических обид, формирующих политизированный характер межнационального взаимодействия доминирующих этносов Крыма.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии».

Литература

1. Дружинин А.Г. Современные общеевразийские тренды в развитии Юга России: общественно-географический аспект // Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (г. Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.). Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. С. 52–57.
2. Баранов А.В. Черноморский историко-культурный регион России в составе южнороссийского фронта: современные трансформации // Астраханские Петровские чтения: «Россия-Астрахань-Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской области)» (Астрахань, 26–28 октября 2017 г.). Астрахань, ФГБОУВПО Астраханский государственный университет, 2018. С. 178–181.
3. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы решения Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
4. Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть II. Глядя на Восток // Полис. 2018. №5. С. 57–69.
5. Вольхин Д.А. «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. №5. С. 154–164.

6. Киселёв С.Н. Постялтинский мир и «Малая игра» в Причерноморье. Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований // Материалы международной научной конференции в рамках VI ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Симферополь, 16–20 сентября 2015 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 209–219.
7. Швец А.Б. Риск политизации этничности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2017. Т. 3 (13). Выпуск 3. С. 5–21.
8. Яковлев А.Н. Территориальные особенности социокультурных конфликтов в российском Крыму (2014 г.) // Ученые записки ТНУ. Серия «География». 2014. Т. 27 (66), №3. С. 56–65.
9. Крымский вектор этнополитики / Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. М.: Симферополь: ООО «Антиква» ИЭА РАН, 2015. С. 123–178.
10. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В.Ю.Зорина, Р.А.Старченко, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
11. Этнический состав населения и владение языками / Население России 2010–2011 / Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013. С. 93–139.
12. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>. – Дата обращения 29.08.2019.
13. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
14. Дружинин А. Г. Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С. 11–24.
15. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII–конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав) М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.
16. Присоединение Крыма к России: Сб. док.: СПб., 1885. Т. 2. С.678–714.
17. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. №2. С. 33–42.
18. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Крымская область. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11. – Дата обращения: 2.09.2019.
19. Швец А.Б., Яковлев А.Н. Типологический подход в исследовании социокультурной конфликтности // Ученые записки ТНУ. Серия «География». 2007. Т. 20 (59), №2. С.73–79.
20. Швец А.Б., Яковлев А.Н. Динамика территориальной локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Проблемы

- гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Симферополь, 2009. С. 67–77.
21. Швец А.Б., Яковлев А.Н., Вольхин Д.А. Социокультурные риски развития Крыма: пространственный анализ // Учёные записки КФУ. География. Геология. Т.1 (67). №4. 2015 г. С. 27–36.
 22. Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/04/21/reabilitaciya-site-dok.html> – дата обращения 14.09.2019.
 23. Баранов А.В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т.4 (14). Вып. 3. С.351–360.
 24. Ерохина О.В. Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2016. №2 (7) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>. –Дата обращения 6.09.2019.
 25. Киселев С.Н. Крымская русская идентичность — это реальность / Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. Симферополь, 2002. С. 71–76.
 26. Мальгин А.В. Новое в самосознании этнических групп Крыма // Остров Крым. 2000–2001. Ч.2. №1. С.1–8.
 27. Старченко Р.А. Языковые и этнополитические ориентации крымчан в 2013 и 2014 годы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А.Тишкова, В. В.Степанова. М.: Симферополь: ООО «Антиква»; ИЭА РАН, 2015. С.173–178.

A.B. Shvets

The multiethnic nature of Crimea as a factor in the region building a balance of "domestic" and cross-border relations in the system of «Greater Eurasia»

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy (structural subdivision), Simferopol, Russian Federation
e-mail: fusion10@mail.ru

Abstract. *The article deals with the peculiarities of the transformation of the multi-ethnicity of the Crimea as an integral part of the process of its reintegration into the socio-economic space of the South of Russia. Vectors of development of modern interrelations of dominant ethnic groups of Slavs and Turks in Crimea are revealed. The basic restrictions for the implementation of the Crimean society "intra-country" and cross-border interactions within the "Greater Eurasia" and its "micro-model" – the South of Russia are defined.*

Keywords: *social geography, polyethnicity, dominant ethnic group, Crimea.*

References

1. Druzhinin A.G. Sovremennye obshcheevrazijskie trendy v razvitii YUga Rossii: obshchestvenno-geograficheskij aspekt // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v ramkah IX ezhegodnoj nauchnoj assamblei Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov (g. Barnaul, 12-19 sentyabrya 2018 g.). Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 52–57 (in Russian).
2. Baranov A.V. Chernomorskij istoriko-kul'turnyj region Rossii v sostave yuzhnorossijskogo frontira: sovremennye transformacii // Astrahanskije Petrovskie chteniya: "Rossiya-Astrahan'-Vostok: integral'noe vzaimodejstvie (k 300-letiyu obrazovaniya Astrahanskoj oblasti)" (Astrahan', 26-28 oktyabrya 2017 g.). Astrahan', FGBOUVPO Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S.178–181 (in Russian).
3. Kiselyova N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. Etnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy resheniya Simferopol': Salta, 2015. 352 s. (in Russian).
4. Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A., Gricenko A.A., Sebencov A.B. Postsovetskoe pogranič'e Rossii mezhdu Vostokom i Zapadom (analiz politicheskogo diskursa). CHast' II. Glyadya na Vostok // Polis. 2018. №5. S. 57–69 (in Russian).
5. Vol'hin D.A. «Primorskij faktor» social'no-ekonomicheskoy i demograficheskoy dinamiki Kryma // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO. 2016. №5. S. 154–164 (in Russian).
6. Kiselyov S.N. Postyaltinskij mir i "Malaya igra" v Prichernomor'e Polimasshtabnye sistemy "centr-periferiya" v kontekste globalizacii i regionalizacii: teoriya i praktika obshchestvenno-geograficheskikh issledovanij // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v ramkah VI ezhegodnoj nauchnoj assamblei Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov (Simferopol', 16-20 sentyabrya 2015 g.). Simferopol': IT "ARIAL", 2015. S. 209–219 (in Russian).
7. Shvec A.B. Risk politizacii etnichnosti v Krymu // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2017. T. 3 (13). Vypusk 3. S. 5–21 (in Russian).
8. Yakovlev A.N. Territorial'nye osobennosti sociokul'turnyh konfliktov v rossijskom Krymu (2014 g.) // Uchenye zapiski TNU. Seriya «geografiya». 2014. T. 27 (66), №3 S. 56–65 (in Russian).
9. Krymskij vektor etnopolitiki / Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2014 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnopoliticheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov / pod red. V. A.Tishkova, V. V.Stepanova. M.: Simferopol': OOO "Antikva" IEA RAN, 2015. S.123–178 (in Russian).
10. Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizaciya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskikh i religioznyh konfliktov / pod red. V.YU. Zorina, R.A.Starchenko, V.V.Stepanova. M.: IEA RAN, 2017. 216 s. (in Russian)/
11. Etnicheskij sostav naseleniya i vladenie yazykami / Naselenie Rossii 2010-2011 / Vosemnadcatyj-devyatnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / otv. red. A.G. Vishnevskij. M.: Izdatel'skij dom VSHE, 2013. S.93–139 (in Russian) .
12. Chislennost' i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 g. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>. – Data obrashcheniya 29.08.2019 (in Russian).
13. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian)

14. Druzhinin A.G. Evrazijskij vektor razvitiya sovremennoj Rossii: tyurkskaya sostavlyayushchaya // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T. 4 (14). Vyp.4. S. 11–24 (in Russian).
15. Vodarskij Ya.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. Naselenie Kryma v konce XVIII – konce XX vekov (Chislennost', razmeshchenie, etnicheskij sostav) M.: IRI RAN, 2003. 160 s. (in Russian).
16. Prisoedinenie Kryma k Rossii: Sb. dok.: SPb., 1885. T. 2. S. 678–714 (in Russian).
17. Ekkel' B. M. Opredelenie indeksa mozaichnosti nacional'nogo sostava respublik, kraev i oblastej SSSR // Sovetskaya etnografiya. 1976. № 2. S. 33–42 (in Russian).
18. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti. Krymskaya oblast'. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11. – Data obrashcheniya 2.09.2019 (in Russian).
19. Shvec A.B., YAKovlev A.N. Tipologicheskij podhod v issledovanii sociokul'turnoj konfliktnosti // Uchenye zapiski TNU. Seriya «Geografiya». 2007. T. 20 (59), № 2. S. 73–79 (in Russian).
20. Shvec A.B., YAKovlev A.N. Dinamika territorial'noj lokalizacii sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu // Problemy garmonizacii mezhetnichnyh i mezhkonfessional'nyh otnoshenij v Krymu. Simferopol', 2009. S. 67–77 (in Russian).
21. Shvec A.B., YAKovlev A.N., Vol'hin D.A. Sociokul'turnye riski razvitiya Kryma: prostranstvennyj analiz // Uchyonye zapiski KFU. Geografiya. Geologiya. T. 1 (67). № 4. 2015 g. S. 27–36 (in Russian).
22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 aprelya 2014 g. №268 «O merah po reabilitacii armyanskogo, bolgarskogo, grecheskogo, krymsko-tatarskogo i nemeckogo narodov i gosudarstvennoj podderzhke ih vozrozhdeniya i razvitiya» URL: <https://rg.ru/2014/04/21/reabilitaciya-site-dok.html>. – Data obrashcheniya: 14.09.2019 (in Russian).
23. Baranov A.V. Izmeneniya etnicheskoj struktury naseleniya Kryma v postsovetskij period: drejfnost' i migracionnye processy // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T. 4 (14). Vyp. 3. S. 351–360 (in Russian).
24. Erohina O.V. Problemy nacional'no-gosudarstvennoj samoidentifikacii krymchan, regulirovaniya mezhetnicheskikh otnoshenij v Krymu, politicheskaya i social'naya adaptaciya krymchan k zhizni v sostave Rossijskoj Federacii // Nauka. Obshchestvo. Oborona (noo-journal.ru). 2016. № 2 (7) URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>. – Data obrashcheniya 6.09.2019 g. (in Russian)
25. Kiselev S.N. Krymskaya russkaya identichnost' — eto real'nost' // Etnografiya Kryma XIX–XX vv. i sovremennye etnokul'turnye processy. Simferopol', 2002. S. 71–76 (in Russian).
26. Mal'gin A.V. Novoe v samosoznanii etnicheskikh grupp Kryma // Ostrov Krym. 2000-2001. Ch. 2. №1. S.1–8 (in Russian).
27. Starchenko R.A. YAzykovye i etnopoliticheskie orientacii krymchan v 2013 i 2014 gody // Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2014 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov / pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: Simferopol': OOO “Antikva”; IEA RAN, 2015. S.173–178 (in Russian).

Поступила в редакцию 30.10.2019 г.